

© 2011 г. Е.М. Березина

УДК 122

АЛЬТРУИЗМ И МИЛОСЕРДИЕ

Практика человеческого общежития регулируется моральными нормами и принципами, которые представляют собой систему долга и обязанностей людей по отношению друг к другу и к обществу. Данные нормы и принципы воспринимаются нравственным сознанием в качестве императивных предписаний, безусловно исполняемых в конкретных обстоятельствах. Европейская философско-этическая традиция рассматривает в качестве важнейшего основания морали – «содействие благу другому».

Данная интенция находит свое определение в понятии *альтруизма* как нравственного принципа, предписывающего бескорыстные действия, направленные на благо (удовлетворение интересов) других людей [1].

Как следует из определения термина альтруизм (и его этимологии), речь идет о содействии не общему интересу, а именно интересу другого человека (при этом под *Другим* могут выступать «ближний», «чужой», «дальний»).

Обращенный к индивиду как к носителю частного интереса, альтруизм предполагает особое усилие воли – своего рода *самоотречение*, поскольку в условиях социальной и психологической обособленности людей забота об интересе Другого возможна при ограничении собственного интереса. С точки зрения философско-этической традиции, «*собственный интерес*» – это основание особой жизненной позиции, определяемой как «*эгоизм*», в соответствии с которой удовлетворение личного интереса рассматривается в качестве высшего блага и, соответственно, каждому следует стремиться только к максимальному удовлетворению своего личного интереса, игнорируя интересы других людей или общий интерес, а то и нарушая их [2].

В этом контексте важнейшей базовой дилеммой становится: «альтруизм – эгоизм». Ценностно-императивный смысл противоположения двух позиций понятен: альтруизм и эгоизм противостоят друг другу как добро и зло, добро-

детель и порок. Однако в то время как зло и порок отвергаются сознанием однозначно, эгоизм не всегда воспринимается как радикально негативное явление. В истории философии сложились разные точки зрения на сущность альтруизма и качественную оценку эгоизма:

1. Альтруизм – преодоление эгоизма (О. Конт, А. Шефтсбери, Ф. Хатчeson, А. Смит, А. Швейцер, З. Фрейд и др.).
2. Эгоизм и альтруизм находятся в диалектической взаимосвязи (П. Кропоткин, Дж. Мур, Э. Фромм и др.).

Автор термина «альтруизм» О. Конт связывал моральное совершенствование общества с воспитанием в людях общественного чувства альтруизма, которое противоположно эгоизму. Альтруизм как нравственный принцип, по Конту, звучит так: «*Живи для других*». Близкие идеи высказывались и некоторыми другими его философскими предшественниками.

В XIX и начале XX в. принцип альтруизма стал особым предметом философской рефлексии, в частности, у христианских (в том числе и православных) мыслителей, которые полагали, что новоевропейский альтруизм неприемлем как человекоугодие (К.Н. Леонтьев). Отвергался он и как «учение буржуазно-демократической морали» (Н.А. Бердяев).

В марксистской этике альтруизм (самоотверженность), равно как и эгоизм, рассматривались в качестве исторических и ситуативных конкретных форм самовыражения индивидов. В таком контексте важным становится не отделение и противопоставление «своих» и «чужих» интересов, а их конечное единство, обусловленное общностью целей всех трудящихся. Сама противоположность эгоизма и альтруизма, таким образом, преодолевается в коллективизме [3].

Особое значение для нашего анализа приобретают идеи тех мыслителей, которые избегали абсолютного противопоставления между эгоизмом и альтруизмом, обращая внимание на их диалектическую взаимосвязь. По мнению П. Кропоткина, не существует противоречий между альтруизмом и эгоизмом: «если бы благо индивида было противоположно благу общества, человеческий род вовсе не мог существовать; ни один животный вид не мог бы достигнуть своего теперешнего развития» [4, с. 315]. Итогом размышлений Кропоткина становится идея о том, что нет «чистого альтруизма без личного в нем удовольствия, следовательно, эгоизма» [4, с. 237].

У Дж. Мура находим созвучную мысль. Термин «эгоизм» может быть использован для обозначения теории, согласно которой, мы всегда должны стремиться к получению удовольствия для себя потому, что это – наилучшее средство для достижения конечной цели, независимо от того, является ли нашей конечной целью достижение собственного наибольшего удовольствия или что-то другое. Альтруизмом, с другой стороны, можно назвать теорию, согласно которой мы всегда должны стремиться к счастью других людей по причине того, что это наилучшее средство для обеспечения как своего счастья, так и счастья других людей. Соответственно эгоист может в то же самое время быть альтруистом [5]. Следовательно, альтернатива «любовь к самому себе» или «любовь к другим» является ложной. Эгоизм, как доктрина средств, по мнению Мура, эффективнее альтруизма, поскольку осуществить добро, которое интересует человека непосредственно и лично, человеку психологически проще (напряженность морального выбора снижается) [5].

Э. Фромм считает, что утверждения «любовь к себе» и «любовь к другим» не взаимоисключают друг друга. Содержательно уточняя понятия «эгоизма» и «себялюбия», он пишет об их различии: эгоизм – отсутствие заботы и внимания к самому себе (источник ненависти), себялюбие – забота и внимание к самому себе (источник любви к другому). В связи с данными методологическими установками, Э. Фромм указывает, что «любовь к себе» в качестве условия «любви к другому» возможна, поскольку, во-первых, «не только другие, но и мы сами являемся "объектом" своих чувств и отношений»; во-вторых, любовь как феномен неделима, так как речь идет о связи между собственной личностью и ее "объектами"; в – третьих, любовь к другому человеку – это не аффект, а продуктивная деятельность, способствующая его духовному росту и счастью [6, с. 105].

Социально-нравственная практика показывает, что у отдельно взятого индивида, как правило, нет частного интереса (пусть правильно и разумно понятого) содействовать общему благу. Поэтому необходимы специальные усилия сообщества, которые оно осуществляет через совокупность различных социальных норм и институтов. В качестве одной из таких социально-нравственных норм выступает принцип альтруизма. Более того, принцип альтруизма – это необходимое условие или некоторая предпосылка собственно морального поведения, поскольку объектом морального поведения всегда яв-

ляется другой человек. Заметим также, что альтруизм может выступать действенным моральным ограничением эгоизма, и в то же время эгоизм (в любой социально-философской интерпретации, в том числе, «разумного эгоизма»), может становиться первопричиной для проявления альтруистических намерений.

Здесь возникает еще одна чрезвычайно важная для понимания альтруизма коллизия, а именно, *кто* именно выступает в качестве объекта деятельности: ближний – близкий, ближний – чужой, ближний – дальний (всё человечество). Поскольку существуют «разные» объекты альтруистических устремлений, то можно, следовательно, говорить о различных видах альтруизма.

Так, И. Кант обозначал нетождественность «любви к ближнему» (близкому) и «любви к дальнему» (человечество). В каждом человеке, рассуждал Кант, существует различие между человеком самим по себе и человечеством. Следовательно, можно испытывать симпатию к человечеству вообще, но в то же время не питать симпатии к конкретным людям. «Симпатия к человечеству вообще» находит свое воплощение в «благодеяниях по долгу» [7, с. 181].

Ницше, кардинально обострив антитезу «любви к ближнему» и «любви к дальнему», утверждает, что следует отказаться от любви к ближнему как бренному, обыденному и возлюбить дальнее и будущее как совершенное.

Такой вид альтруизма (мы условно его обозначим как *абстрактный*) относится к сфере значений и норм, обращенных, например, не только на сегодня живущих людей (отдаленных других или все человечество), но и в историческую даль – на абстрактные поколения. Само стремление «содействовать благу другому» обусловлено объективно существующими общественными нормами, а не субъективно-внутренним побуждением помочь другому.

Проявления «абстрактного» альтруизма возможны и во взаимоотношениях «ближний – чужой». Однако в данной конструкции значимыми могут стать и нравственно-психологические детерминанты. В контексте «*нравственно-психологического альтруизма*» – «другой» не воспринимается как «чуждый», но как *понятый чужой*, поскольку основанием такого понимания становится заинтересованное, сочувственное отношение к другому (симпатия, сострадание, эмпатия). Первые попытки определения *симпатии* как «особого строя чувств» – встречаются уже в работах стоиков (Сенека, Марк Аврелий). Ими симпатия понималась как объективная духовная общность

всех вещей, как некое общее ментальное пространство. Именно благодаря симпатии люди могут понимать друг друга. Впоследствии понятие симпатии встречается в работах философов Нового времени (Д. Юм, А. Смит и др.) В этих работах симпатия определяется, как способность сострадать другому. *Сочувствие* в особенной мере характеризует человека как существо общественное.

Аристотель уже в «Поэтике» пишет о том, что «очищение» трагедией (катарсис) возможно только в том случае, если зритель наряду со страхом испытывает сочувствие к герою трагедии. Понятие *сострадание* обобщает моменты резонансного восприятия негативных душевных состояний, чувств героя трагедии или вообще человека. Сочувствие – понятие еще более общее, оно включает сопереживание всей гамме человеческих чувств, в том числе, чувств позитивных (со-радование). Но, в любом случае, здесь налицо созвучие переживаний двух личностей. Возможны варианты их отношений друг к другу: благоприятные и неблагоприятные для сочувствия, отношения благосклонности или даже враждебности к другому. В нравственной философии Шопенгауэра проблема «симпатии – со-чувствия» в контексте альтруизма занимает ключевую позицию. Со второй половины XX в. в понятийном аппарате гуманитарного знания стало широко использоваться ранее введенное в психологию Э. Титченером понятие эмпатии как постижения эмоционального состояния, проникновения-вчувствования в переживания Другого человека. В то же время эмпатия выступает как способ принятия позиции Другого и как свойство, облегчающее взаимодействие. Однако между симпатией, сочувствием и эмпатией не существует прямых взаимообусловленных отношений, и социальный опыт об этом свидетельствует. Например, можно понимать эмоциональное состояние другого человека, но не относиться к нему с симпатией и сочувствием. Или хорошо понимая взгляды и связанные с ними чувства других людей, которые ему не нравятся, человек нередко поступает вопреки и взглядам и чувствам. Отношение к другому (на основе указанных психологических детерминант), рождающееся из восприятия, становится основой для рождения поступка, совершаемого не из задачи внешнего следования абстрактному этическому нормативу или социальной норме, а из внутреннего побуждения помочь другому.

Исторически в своем существенном содержании принцип альтруизма в определенной мере был воплощен в заповеди любви. Новоевропейской философией *милосердие* трактуется в качестве синонима альтруизма. Однако заметим, что заповедь любви вовсе не исчерпывается альтруистическим настроем (или установками) личности, а включает в себя и нравственную любовь (благоговение) и самосовершенствование. Как этическое понятие, милосердие восходит еще к Пятикнижию, в котором древнееврейское слово «hesed» («*любящая доброта*») выражает принцип отношения Бога к людям – особую силу его любви; а также то, что он ждал от людей в их отношениях друг к другу: доверительность и верность.

Думается, что этико-философский категориальный анализ милосердия плодотворен, в первую очередь, именно через это, запечатленное в Библии, понятие нравственной любви. И в этой связи милосердие предстает формой сострадательной любви, сердечного участия в жизни других людей. В контексте нашего анализа милосердие выступает высшей формой альтруизма [8]. В милосердии личность обретает нравственную определенность. Здесь не существует различий в альтруистических мотивах. И, главное – все объекты альтруизма – «Другие» выступают перед субъектом, как равные и при любых условиях – как ближние. Таким образом, осуществляется принятие «другого» в качестве ценности, то есть самого по себе.

Как элемент нравственного сознания, идеал «милосердной любви» (или милосердия) является одновременно: 1) ценностным представлением, поскольку им утверждается определенное, безусловное, положительное содержание поступков; 2) императивным представлением, поскольку это содержание определено в отношении воли человека и вменяется человеку в обязательное исполнение. Милосердная любовь осуществляется за пределами принятых обязательств, то есть по логике избыточности, как «милость сердца». А побуждение к милосердию – естественное, добровольное и бескорыстное устремление души, не нуждающееся во внешних мотивациях и, в тоже время, свободное от эгоистических стремлений. Для того, чтобы становиться милосердным, не надо ожидать каких-то особенных внутренних состояний. И. Кант пишет: «Когда говорят: полюби своего ближнего, как самого себя, то это не значит, что ты должен непосредственно (сначала) любить и посредством этой любви (потом) сделать ему добро, а наоборот – делай своим ближним добро, и

это благодеяние пробудит в тебе человеколюбие (как навык склонности к благодеянию вообще)» [7, с. 183]. Следовательно, сама возможность милосердной любви кроется в осуществленном практическом действии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Р.Г.* Альтруизм // Новая философская энциклопедия. М., 2000.
2. *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика: Учебник. М., 1998.
3. Марксистская этика: Учебное пособие для вузов /А.И. Титаренко, А.А. Гусейнов, В.И. Бакштановский и др./ Под. ред. И.И.Титаренко М., 1980.
4. *Кропоткин П.П.* Этика: Избранные труды. М.; 1991.
5. *Мур Дж. Э.* Принципы этики. М., 1984.
6. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993.
7. *Кант И.* Лекции по этике. М., 2000.
8. *Суровягин С.П.* Милосердие. Тюмень, 1992.

*Пермский государственный
институт искусства и культуры*

14 июля 2011 г.